УДК 343.14

DOI 10.17223/22253513/18/11

А.А. Тарасов

СТЕРЕОТИПЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ПРАВОСОЗНАНИЯ И ПРОБЛЕМЫ «ОБРАТНОЙ СВЯЗИ» ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ И ОБЩЕСТВА¹

«Обратная связь» между государством и обществом – необходимое условие нормального функционирования государственного аппарата и правоохранительной системы. Реализация отдельных направлений уголовной политики требует адекватного отражения соответствующих концептуальных идей и их воплощения в нормах права и правоприменительной практике в профессиональном и обыденном правосознании. Российская нормотворческая и правоприменительная практика показывают, что адекватность такого отражения обеспечивается далеко не всегда, а это способно негативно влиять на реализацию любых антикриминальных программ.

Ключевые слова: профессиональное правосознание, уголовная политика, реализация уголовной политики, правоохранительные органы, правоохранительная система, борьба с преступностью, антикоррупционная политика.

Современное понимание «обратной связи» государства и общества при реализации уголовной политики сформировалось в советские годы и представлялось авторами так: «Борьба с преступностью требует постоянного учета общественного мнения, оптимального построения законодательства, совершенствования работы правоохранительных органов, повышения правовой культуры граждан. В деятельности правоохранительных органов должна воплощаться сущность права как волевого предписания, как средства надлежащего регулирования поведения членов общества. С другой стороны, они должны быть в состоянии служить средством «обратной связи», определяя, когда изменение социальной реальности настоятельно требует соответствующей перестройки уголовно-правовых предписаний» [1. С. 9]. Уточнив, что «они» в последнем предложении – это, судя по всему, правоохранительные органы, под сказанным можно подписаться и сегодня.

Едва ли есть необходимость дополнительно аргументировать ту идею, что большинство граждан страны, т.е. обычные люди, не связанные с правоохранительной и другой юридической деятельностью, оценивают государственную правоохранительную систему не совсем так же, как оценивает себя сама эта система, как её оценивают учёные и политики. Ни один гражданин, обратившийся в полицию с заявлением о совершении в отношении его преступления, не заинтересуется абстрактным вопросом о том, как распределена компетенция между разными правоохранительными органами, как строится их статистическая отчётность и каких рекордных показателей раскрываемо-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда Проект 15-03-00131 «Реализация уголовной политики: проблемы правотворчества, правоприменения и кадрового обеспечения».

сти преступлений конкретные подразделения добились в текущем году и т.д. Конкретного человека будет интересовать конкретный вопрос: когда и как он может получить обратно похищенные у него деньги и как будет наказан тот нехороший человек, который их похитил. Второе, возможно, кого-то будет интересовать в меньшей, а кого-то, возможно, и в большей степени, но в каждом случае нарушенный собственный интерес будет превалировать над любыми другими интересами. О ведомственном интересе заявитель едва ли вообще задумается. Совокупность этих частных интересов, защищенных либо не защищенных правоохранительной системой, определит в конечном счете общественное отношение к уголовной политике государства и к её реализации в стране.

Специфика профессионального и обыденного правосознания определяет существенную разницу в понимании проблем реализации уголовной политики представителями правоохранительных ведомств и представителями разных слоёв населения. Эта разница, в свою очередь, затрудняет «обратную связь» между обществом и государством, что неизбежно отражается на реализации уголовной политики. Правовая действительность вообще и реализация уголовной политики в частности отражаются в общественном сознании в виде определенного набора стереотипов – неких устойчивых и широко распространенных образов, в которых концентрируются не только признаки самих явлений объективной реальности, но и особенности восприятия этой реальности представителями конкретных больших социальных групп¹.

Профессиональное правосознание формирует специфические стереотипы мышления, отражающие так или иначе правовую реальность и собственную роль в ней. В юридической науке специалистами в разных её отраслях подчёркивается, что «сообщество юристов – это коллективная точка зрения юристов в отдельном государстве» [2. С. 17], а «правоприменительная деятельность также по преимуществу осуществляется в групповых формах, а кроме того, любой правоприменитель в своей работе неизбежно учитывает опыт своих коллег и общую направленность правоприменительной политики в соответствующей области» [3. С. 85]. Понятно, что стереотипы профессионального правосознания в области реализации уголовной политики государства в конкретный исторический период будут отличаться от аналогичных стереотипов массового обыденного правосознания, при этом едва ли они будут существовать независимо друг от друга, поскольку отражают одну и ту же правовую реальность.

Проанализируем некоторые стереотипы профессионального правосознания в области реализации уголовной политики, признав, что все эти представления в обществе существуют, все они имеют право на жизнь, как все они в равной степени спорны.

Первые два стереотипа целесообразно рассмотреть в едином контексте:

1) Усиление борьбы с преступностью, принцип «нулевой терпимости» к ней – главный способ повышения эффективности реализации уголовной

¹ Само слово «стереотип» происходит от двух греческих корней – «твёрдый, объемный» и «отпечаток», и первоначально использовалось в типографском деле для обозначения монолитной печатной формы.

политики. 2) Тяжесть преступлений оправдывает жестокость в системе наказаний за них, а также различные отступления от обычных требований уголовно-процессуальной формы.

Декларативная привлекательность призыва к усилению борьбы с преступностью вообще и с отдельными видами преступлений в частности едва ли вызовет сомнения у представителей какой бы то ни было социальной группы, кроме, пожалуй, профессиональных преступников, не тяготящихся своим ремеслом. В научном сообществе представление о необходимости самых решительных мер в борьбе с преступностью может приобретать довольно резкие формы. Профессор Э.Ф. Побегайло, например, в 2006 г. утверждал, что в УПК РФ 1996 г. многие «тупики» были заложены изначально именно потому, что «Кодекс был построен на неолиберальной концепции абсолютного приоритета прав личности, потерпевшей в российских условиях полное банкротство» [4. С. 17]. Это утверждение закономерно гармонирует с его же критикой уголовно-процессуального законодательства: «Англо-американская доктрина уголовного судопроизводства, некритически воспринятая разработчиками проекта УПК РФ, снимает вообще постановку вопроса о возможности установления истины в ходе производства по уголовным делам» [4. С. 25].

Не станем в данном случае углубляться в дискуссию по поводу нормативного и правоприменительного воплощения «вопроса о возможности установления истины в ходе производства по уголовным делам», поскольку этому можно посвятить отдельную книгу. Здесь считаем необходимым отметить, что заявить об установлении истины на уровне декларации или даже нормы-принципа – это отнюдь не то же самое, что обеспечить её реальное установление с помощью надёжных доказательственных процедур и тем более – с помощью добросовестной работы каждого правоприменителя, ориентирующегося именно на истину, а не на свои «палочные» отчетные показатели, указания начальства или на ещё более «приземленные» личные потребности. Поддерживать идею сохранения истины в качестве цели доказывания по уголовным делам, чем последовательно занимался и автор этих строк [5; 6. С. 13–14], – это вовсе не то же самое, что поддерживать институт «возвращения дела судом на доследование» или отказ от пределов судебного разбирательства в пользу возможности его отягчения в суде. Под видом высокой идеи «истины», на наш взгляд, в современный российский уголовный процесс вводятся нормы, нацеленные вовсе не на «коренное начало правды», о котором когда-то писали наши великие предки [7. С. 42], а на решение сугубо прагматических ведомственных задач: иметь возможность с помощью суда на любом этапе движения дела исправлять результаты плохой работы органов расследования. И высокие идеи тут не при чем. Тем не менее на уровне обыденного правосознания создается иллюзия споров между сторонниками истины в правосудии, т.е. правды в нём, и противниками истины, т.е. теми, кто эту правду хочет скрыть. Правду же от правосудия, по нормальному разумению, стремятся скрыть только преступники.

Важно отметить, что резкая критика в адрес западных демократий в нашей литературе (как в приведенном высказывании профессора Э.Ф. Побегайло) нередко сочетается с обоснованием необходимости ужесточения борьбы с

преступностью тоже со ссылками на опыт западных государств. Последние, по мнению многих авторов, во-первых, не так уж безоглядно либеральны на уровне законов и судебной практики [8. С. 43–45], а во-вторых, проявляют немалую решительность при введении чрезвычайных антикриминальных мер, например, после террористических атак на США 11 сентября 2001 г. [4. С. 81]. Иногда авторы ссылаются на «принцип нулевой терпимости» к преступности, который обычно связывают с именем Рудольфа Джулиани – мэра Нью-Йорка второй половины 1990-х гг. [4. С. 88], который за несколько месяцев существенно снизил уровень преступности в самом криминальном городе мира с помощью своей знаменитой программы CompStat, изучавшейся впоследствии в полицейских академиях многих государств. Сторонники звучно названного принципа «нулевой терпимости» закономерно находятся во всех слоях современного российского общества, включая представителей науки уголовного права и процесса. Это и не удивительно: кому же хочется жить в государстве, терпимом к преступности? И вновь создаётся иллюзия, что выступающий против того, что на весь мир названо «нулевой терпимостью» к преступлениям, сам становится на защиту преступности и преступников.

Рискуя быть именно в этом и обвиненным, всё же обратим внимание на то, что современная российская интерпретация «принципа нулевой терпимости» предполагает довольно смелое деление общества на «они» и «мы». «Они» – это преступники, «мы» – это законопослушные граждане. Однако для установления того, кто есть кто, требуется пройти непростой путь, результатом которого станет не вызывающая сомнений констатация факта совершения преступления конкретным лицом и убедительное, доступное понимание каждого разумного и здравомыслящего человека, обоснование того, что именно этот человек совершил именно это преступление. Вот на этом-то пути и возникает главная проблема: всё ли дозволено по отношению к «ним», если ещё не доказано, что они – это «они»? На этом же пути возникает ещё одна не менее важная проблема: если «всё дозволено», то не появятся ли новые «они» из числа тех, кто сегодня представляет власть и закон, т.е. из тех, кто априори отнесен к числу «нас».

Таким образом, декларативная привлекательность некоторых стереотипов при чуть более детальном анализе исчезает, и возникает потребность в изучении существа. При таком изучении выясняется, что программа CompStat Р. Джулиани в Нью-Йорке предполагала выведение в самые криминальные кварталы города беспрецедентного количества полицейских в штатском и внедрение в преступные группировки большого числа полицейских под прикрытием. Эти сугубо полицейские (по нашей терминологии, «оперативно-розыскные») мероприятия не влекли за собой практически никакого упрощения процедур уголовного судопроизводства. Активно использовались и «сделки с правосудием», и «государственная программа защиты свидетелей», и «сделки о признании», и суд присяжных. Последний, к слову, действовал в привычном для США и штата Нью-Йорк режиме – обвиняемый в совершении преступления, за которое могло быть назначено более одного года лишения свободы, вправе был требовать суда присяжных, и государство не могло ему в этом отказать. Надо заметить, что и смертная казнь в Нью-Йорке во

второй половине 1990-х применялась не чаще, чем обычно. Политическая воля и организационные усилия государства направлялись не на упрощение жизни полицейским, сотрудникам ФБР или прокуратуры, не на сокращение гарантий основных прав и свобод человека и гражданина, а на повышение качества самой правоохранительной деятельности. Едва ли кто-то будет возражать против таких чрезвычайных мер, подобно тому, как авиапассажиры любых рейсов в США после 11 сентября 2001 г. или в Израиле любого периода его истории безропотно позволяли и позволяют себя проверять и обыскивать, в том числе с помощью служебных собак и разных технических устройств, понимая, что террористическая угроза реальна и, в случае чего, никого не минует.

В современной России любые антикриминальные кампании, против которых самих по себе никто бы и не подумал возражать, почему-то всегда сопровождаются ограничениями процессуальных гарантий и расширением властных полномочий представителей правоохранительных ведомств и силовых структур, а иногда даже и начинаются именно с этого.

В этом контексте небезынтересно проследить динамику изменения редакции п. 2 ч. 2 ст. 30 УПК РФ, определяющей компетенцию суда с участием присяжных заседателей. В первоначальной редакции от 18 декабря 2001 г. возможность рассмотрения уголовного дела судом с участием присяжных заседателей была, как известно, предусмотрена для всех дел, подсудных суду субъекта Российской Федерации. Наиболее крупные изъятия из этой компетенции были произведены дважды – 30 декабря 2008 г. и 28 декабря 2013 г. Первые изменения совпали с общенациональной кампанией усиления борьбы с терроризмом (2008 г.), вторые – с такой же кампанией усиления борьбы с педофилией (2013 г.), т.е. с сексуальными посягательствами в отношении несовершеннолетних и малолетних. Едва ли найдется хоть кто-нибудь, кто возразил бы против необходимости повышенной защиты населения от терроризма или детей от преступлений против их половой неприкосновенности. Аргументов, которыми можно было бы подтвердить такие возражения, просто не существует. Однако при чем тут суд присяжных и его компетенция?

История России XIX столетия знает случаи изъятия из компетенции суда присяжных политических преступлений, что имело простое объяснение: присяжные могли не понимать истинной природы таких преступлений, поскольку они направлены не против общечеловеческих ценностей, а против власти отдельных социальных слоёв. Терроризм и педофилия – дело иное: эти преступления имеют выраженную общесоциальную составляющую, вполне понятную любому разумному человеку. Едва ли законодатели предположили массовые необоснованные оправдания террористов и педофилов присяжными по причине иррационального сочувствия к ним, исключая возможность обращения к суду присяжных по делам о преступлениях террористической направленности или о сексуальных посягательствах на детей. Думается, дело совсем в другом. Современная практика российского суда присяжных, изученная не только по материалам уголовных дел, но и с помощью социологических исследований в разных социальных группах [9], показывает, что главное «неудобство» суда присяжных для государственных чиновников от юриспруденции состоит в том, что присяжные иногда не признают доказан-

ным то, что объективно доказанным не является, но кажется таковым самим этим чиновникам. Профессиональные судьи, «скрепя сердце», бесконечно «входят в положение» следователей, «заваленных» большим количеством уголовных дел, а потому якобы лишённых возможности качественно работать со всеми доказательствами; прокуроров, которые получают уголовные дела от не очень квалифицированных следователей, но реально не имеют полномочий для повышения качества расследования, и т.д. Профессиональные судьи знают, какой неприятный общественный резонанс приобретает любой оправдательный приговор и как долго он потом обсуждается не только в правоохранительных ведомствах, но и в самом судебском сообществе. Присяжные всего этого понимать не хотят, они оценивают позиции обвинения и защиты по принципу «верю» или «не верю». И вот здесь возникает ещё одна гипотеза: возможно, из компетенции суда присяжных изымаются именно те уголовные дела, доказывание по которым представляет особую сложность, т.е. те, по которым виновность обвиняемого может вызывать разумные сомнения именно в силу недостаточной доказанности обвинения? В недоверии к суду присяжных проявляется ещё один стереотип профессионального правосознания: ***правосудие – это дело уполномоченных субъектов, имеющих высшее юридическое образование и состоящих на определенных государственных должностях.*** Этот стереотип широко распространен в современной российской реальности, его влияние испытывают на себе многие законодательные решения и теоретические дискуссии. Между тем правосудие – это сфера общественного интереса, а не простая чиновничья служба, и оно имеет смысл лишь постольку, поскольку оно понятно любому разумному и здравомыслящему человеку [9. С. 12–16].

Государственный подход к проблемам реализации уголовной политики, как правило, основан на двух следующих стереотипах профессионального правосознания:

1. Для повышения эффективности отдельных направлений уголовной политики необходимо создать специальные законы, касающиеся именно этих направлений.

2. Необходимо создать специальные подразделения или целые государственные органы, ответственные за реализацию уголовной политики на определенных направлениях.

В 1990-е гг., когда стихийное предпринимательство и столь же стихийный рынок породили массовое распространение рэкета среди криминального элемента разного уровня организованности, было популярным с разных общественных трибун говорить о якобы имеющейся законодательной проблеме: отсутствии в уголовном законе легального определения понятия «рэкет» и особой регламентации уголовной ответственности за него. В наше время периодически говорят о необходимости специального уголовно-правового определения «рейдерства». Ни то, ни другое, к счастью, не повлекло этого сомнительного с точки зрения реальной пользы обновления уголовно-правовой терминологии. Сложившихся представлений о вымогательстве и других корыстно-насильственных преступлениях оказалось достаточно для определения уголовной ответственности за деяния, которые, по сути, имели только видимость новых.

С начала 2000-х особое внимание научной общественности привлекли идеи антикоррупционной политики. Отношение к коррупции как к «агрессивной, тотальной среде, глобальной системе вредоносных явлений на стадии демократизации общества» [10. С. 15] разделялось и разделяется во всех слоях общества и вполне согласуется с реальным жизненным опытом многих граждан современной России. Никому не придёт в голову возразить и против того, что «демократия же, в свою очередь, предполагает принятие целой системы мер, направленных на противодействие коррупции» [10. С. 15]. И логическим продолжением этих двух идей авторы видят некое «антикоррупционное законодательство» и специальный «антикоррупционный государственный орган по вопросам элитарной (политической) коррупции», а также «процессуальный порядок инициирования и рассмотрения коррупционных дел на гласной и негласной основе» [10. С. 27]. Сказанное ориентирует на признание недостаточными имеющихся законодательных актов, государственных органов и процедур. При этом Н.А. Лопашенко, будучи специалистом в области уголовного права и криминологии, правильно, на наш взгляд, утверждает, что «основным уголовно-правовым направлением противодействия коррупции следует считать не несовершенство уголовного закона, а воспитание воли, желания и умения правоохранительных и судебных органов его реально и эффективно применять» [11. С. 71].

По поводу создания разного рода специализированных антикоррупционных органов и особых антикоррупционных процедур приведём только два примера из современной российской действительности, связанных с реализацией антикоррупционной политики.

Первый пример – нашумевшее «дело генерала Сугрובה», расследование по которому сейчас завершено в Следственном комитете России [12]. Под этим названием объединено несколько объёмных уголовных дел в отношении бывшего руководителя Главного управления экономической безопасности и противодействия коррупции МВД РФ генерала полиции Дениса Сугрובה, его заместителя генерала полиции Бориса Колесникова и других сотрудников названного антикоррупционного ведомства. Обвиняемые по этому делу, часть которых уже осуждены, привлечены к уголовной ответственности за несколько связанных между собой эпизодов провокации взятки в отношении разных должностных лиц, в том числе генерала ФСБ Игоря Демина. Деятельность такого рода была систематической, и по объяснениям главных обвиняемых, не признавших себя виновными, являлась обычной служебной деятельностью по выявлению фактов коррупционного поведения разных чиновников. Колесников, как известно, во время следствия покончил с собой, выбросившись из окна здания Следственного комитета РФ в Москве, на Техническом переулке.

Второй пример – абсолютно «земной», из ежегодного (за 2010 г.) доклада Уполномоченного по правам человека в Самарской области, советником которого автор был в 2007–2014 гг. Обычная жительница г. Самары, пожилая женщина, работавшая заведующей детским садом, изложила в своей жалобе довольно странную «антикоррупционную» историю [13]. В марте 2008 г. она вместе с другой своей сотрудницей была привлечена к участию в оперативном эксперименте, который проводился отделом по борьбе с экономически-

ми преступлениями Кировского РУВД г. Самары с целью задержания с личным местного чиновника органов образования, способного влиять на заключение контрактов с руководителями детских дошкольных учреждений, при получении взятки.

Оперативно-розыскное мероприятие прошло успешно, взяткополучатель был выявлен, уголовное дело по этому и еще по нескольким эпизодам получения взятки было возбуждено. Сразу после этого руководитель правоохранительного органа, проводившего оперативный эксперимент, в газетном интервью (вырезка прилагалась к обращению Б.) рассказал об очередном достижении в борьбе с коррупцией с точным указанием фамилии избобличенного чиновника и его должности и даты проведения эксперимента. Однако далее события развивались по совершенно неожиданному сценарию. Суд оправдал «взяточника» по всем вменяемым эпизодам преступлений, а на основе сведений, содержащихся в приговоре, по инициативе прокуратуры Кировского района г. Самары 28 марта 2010 г. следователем Кировского межрайонного следственного отдела Следственного комитета при прокуратуре было возбуждено уголовное дело в отношении самой гражданки Б. по признакам провокации взятки (ст. 304 УК РФ) и заведомо ложного доноса (ст. 306 УК РФ). 26 мая 2010 г. Б. была привлечена по этому делу в качестве обвиняемой. С этого момента гражданка Б. превращается из «лица, оказывающего содействие правоохранительным органам в реализации антикоррупционной программы» (об успешности которой, напомним, чиновник уже отчитался в прессе), в «лицо, подвергающееся уголовному преследованию» именно за такое содействие. Важно в этой истории то, что правоохранительные органы полностью потеряли интерес к гражданке Б., столь живо проявленный два года назад в период подготовки и проведения оперативного эксперимента. Сама же эта женщина несколько лет была вынуждена ходить по разным государственным и общественным инстанциям, разглашая «секретную» информацию о «негласном» антикоррупционном мероприятии с её участием, не стесняясь в оценках действий тех, кто её пригласил к «сотрудничеству» и пытаясь защитить свои права и доброе имя. Излишне говорить, какое значение всё происшедшее имело для профессионального педагога предпенсионного возраста и для ее семьи.

К сожалению, такие примеры не единичны, как не единичны примеры получения взяток руководителями самих антикоррупционных ведомств, что относится вовсе не к специфическим российским явлениям, а вполне к интернациональным. Осмелимся предположить, что специальное антикоррупционное ведомство, будучи созданным для реализации благой уголовно-политической идеи, со временем неизбежно превращается в обычную чиновничью структуру, озабоченную отчетными статистическими показателями, и при этом – близкими к тому социальному злу, с которым они призваны бороться. Сочетание двух этих факторов само по себе способствует перерождению практически любого специализированного ведомства в стране с неразвитыми системами обычного, т.е. никакого не специализированного правосудия и нормальных институтов гражданского общества. Отсюда вывод – ни специальные законы, ни специальные ведомства не являются, на наш взгляд, обязательной составляющей успешной реализации уголовной политики, но при

этом и то, и другое требует финансовых и организационных затрат, и то, и другое пополняет армию чиновников, и то, и другое способно создать иллюзию временного успеха в противодействии преступности.

Подводя итог всему сказанному, подчеркнем, что многие стереотипы профессионального правосознания при кажущейся очевидности того, что провозглашают на их основе, – это не более чем лозунги, которые способны создать ложное представление о действительности, а потому нуждаются в постоянном сопоставлении с ней самой.

Литература

1. *Основания* уголовно-правового запрета (криминализация и декриминализация) / отв. ред. В.Н. Кудрявцев и А.М. Яковлев. М.: Наука, 1982. 304 с.
2. *Барак Аарон*. Судейское усмотрение: пер. с англ. М.: Норма, 1999. 376 с.
3. *Ветютнев Ю.Ю.* Государственно-правовые закономерности (Введение в теорию). Элиста: НПП «Джангар», 2006. 204 с.
4. *Алексеев А.И., Овчинский В.С., Побегайло Э.Ф.* Российская уголовная политика: преодоление кризиса. М.: Норма, 2006. 144 с.
5. *Тарасов А.А.* Ещё раз об истине в уголовном судопроизводстве // Новый уголовно-процессуальный кодекс России в действии: Материалы круглого стола, 13 ноября 2003 г., Москва / отв. ред. И.Ф.Демидов. М.: ТК Велби: Проспект, 2004. С. 71–78
6. *Тарасов А.А.* Предисловие // Уголовно-процессуальное право. Актуальные проблемы теории и практики: учеб. для магистров / под ред. В.А. Лазаревой, А.А. Тарасова. М.: Юрайт, 2012. С. 12–18.
7. *Баршев Я.И.* Основания уголовного судопроизводства с применением к российскому уголовному судопроизводству. М.: ЛексЭст, 2001. 240 с.
8. *Бойков А.Д.* Третья власть в России. Книга вторая – продолжение реформ. М.: Юрлитинформ, 2002. 280 с.
9. *Тарасов А.А., Рахметуллина О.Р.* Суд присяжных и проблемы народного участия в правосудии М.: Русайнс, 2015. 220 с.
10. *Малько А.В., Петров М.П.* Антикоррупционная политика как важнейший элемент формирующейся антикоррупционной функции современного российского государства // Антикоррупционная политика в современной России / под ред. А.В. Малько. Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2006. С. 8–39.
11. *Лопашенко Н.А.* Коррупция: методология исследования как научная основа антикоррупционной политики // Антикоррупционная политика в современной России / под ред. А.В.Малько. Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2006. С. 40–74.
12. <http://sledcom.ru/press/interview/item/887832>; <http://www.rg.ru/2014/11/20/rassledovanie.html> (дата обращения: 18.09.2015).
13. *Архив* Уполномоченного по правам человека в Самарской области. 2010. Жалоба Б. Вх. №Кол/725-10 от 28.07.2010 г.

Tarasov Alexander A. The Institute of law of Bashkir state University (Ufa, Russian Federation)

STEREOTYPES OF PROFESSIONAL LEGAL CONSCIOUSNESS AND THE PROBLEMS OF “FEEDBACK” OF LAW ENFORCEMENT SYSTEM AND SOCIETY

Key words: professional consciousness, criminal policy, realization of criminal policy, law enforcement agencies, law enforcement system, fight against crime, anti-corruption policy.

“Feedback” between any society and state is a condition for the normal functioning of state machine and law enforcement system. Realization of separate directions of criminal policy demands adequate reflection of corresponding conceptual ideas and their entrenchment in legal rules and law enforcement practice both in professional and ordinary legal consciousness. Russian legislative and law enforcement practice show that the adequacy of such a reflection is not always ensured and this can have a negative influence on the realization of any anti-criminal programs.

The stereotypes of professional legal consciousness in the field of state criminal policy realization that are formed in the course of exercising of various kinds of legal activities differ from the analogous stereotyped images in mass social consciousness. The difference in understanding of the same phenomena in different social groups can hamper “feedback” between the state and society and can deform many ideas of criminal policy in the course of its realization.

The following ideas can be referred to the stereotypes of professional legal consciousness: 1) Intensification of fight against crime and the principle of “zero tolerance” for it constitute the basic way for raising the effectiveness of criminal policy realization; 2) Gravity of crimes justifies the cruelty within the framework of the system of criminal penalties for them as well as various departures from common requirements of the criminal procedural form; 3) Justice is a matter within the province of empowered subjects having legal education and definite state offices; 4) To raise the effectiveness of separate directions of criminal policy it is necessary to make special laws connected with these very directions; 5) It is necessary to create special departments or even state bodies responsible for the realization of criminal policy in definite directions.

The above and other similar stereotypes of professional legal consciousness are not more than slogans, which can form a false vision of reality and, thus, they need a constant correlation with it.

References

1. Kudryavtsev, V.N. & Yakovlev, A.M. (1982) *Osnovaniya ugovolno-pravovogo zapreta (kriminalizatsiya i dekriminalizatsiya)* [Grounds for criminal prohibitions (criminalization and decriminalization)]. Moscow: Nauka.
2. Barak, A. (1999) *Sudeyskoe usmotrenie* [Judicial discretion]. Translated from English by V.A. Kikot. Moscow: Norma.
3. Vetyutnev, Yu.Yu. (2006) *Gosudarstvenno-pravovye zakonomernosti (Vvedenie v teoriyu)* [The state-legal laws (Introduction to the theory)]. Elista: Dzhangar.
4. Alekseev, A.I., Ovchinskiy, V.S. & Pobegaylo, E.F. (2006) *Rossiyskaya ugovolnaya politika: preodolenie krizisa* [Russian criminal policy: surmounting the crisis]. Moscow: Norma.
5. Tarasov, A.A. (2004) *Eshche raz ob istine v ugovolnom sudoproizvodstve* [Once again about the truth in the criminal trial]. In: Demidov, I.F. (ed.) *Novyy ugovolno-protsessual'nyy kodeks Rossii v deystvii* [The new Criminal Procedure Code of Russia in action]. Moscow: TK Velbi: Prospekt. pp. 71-78.
6. Tarasov, A.A. (2012) *Predislovie* [Preface]. In: Lazareva, V.A. & Tarasov, A.A. (eds) *Ugovolno-protsessual'noe pravo. Aktual'nye problemy teorii i praktiki* [The Criminal Procedural Law. Topical problems of the theory and practice]. Moscow: Yurayt. pp. 12-18.
7. Barshev, Ya.I. (2001) *Osnovaniya ugovolnogo sudoproizvodstva s primeneniem k rossiyskomu ugovolnomu sudoproizvodstvu* [The grounds for criminal proceedings with the Russian criminal justice system]. Moscow: LeksEst.

8. Boykov, A.D. (2002) *Tret'ya vlast' v Rossii. Kniga vtoraya – prodolzhenie reform* [The third power in Russia. Book Two – Reforms continued]. Moscow: Yurlitinform.
9. Tarasov, A.A. & Rakhmetullina, O.R. (2015) *Sud prisyazhnykh i problemy narodnogo uchastiya v pravosudii* [The jury and problems of popular participation in justice]. Moscow: Rusayns.
10. Mal'ko, A.V. & Petrov, M.P. (2006) Antikorrupsionnaya politika kak vazhneyshiy element formiruyushcheysya antikorrupsionnoy funktsii sovremennogo rossiyskogo gosudarstva [Anticorruption policy as an essential element of the emerging anticorruption function of the modern Russian state]. In: Mal'ko, A.V. (ed.) *Antikorrupsionnaya politika v sovremennoy Rossii* [Anticorruption policy in modern Russia]. Saratov: Saratov State Academy of Law. pp. 8-39.
11. Lopashenko, N.A. (2006) Korrupsiya: metodologiya issledovaniya kak nauchnaya osnova antikorrupsionnoy politiki [Corruption: methodology of the study as a scientific basis of anticorruption policy]. Mal'ko, A.V. (ed.) *Antikorrupsionnaya politika v sovremennoy Rossii* [Anticorruption policy in modern Russia]. Saratov: Saratov State Academy of Law. pp. 40-74.
12. Makarov, V.A. (2014) *Interview with V.A. Makarov*. [Online] Available from: <http://sledcom.ru/press/interview/item/887832>. (Accessed: 18th September 2015). (In Russian).
13. Archive of the Ombudsman in Samara region. (2010) *The complaint B. Bx. №Kol / 725-10 of July 28th 2010*. (In Russian).